

Пушкин А. С.

28.04.99

(фест. "Пушкин & Гете")

108

Начнем с "Осуждения Фауста"

Культура. — 1999 — 22-28 апр. — с. 2.
В столице чествуют Пушкина и Гете

Одна из крупнейших культурных акций этого года — фестиваль "Пушкин & Гете", посвященный празднованию 200-летия и 250-летия со дня рождения великих писателей, — стартовала на прошлой неделе в Большом зале Московской консерватории. Зедуманный как десятидневный марафон, в течение которого состоятся тридцать различных мероприятий — а это выставки, чтения, "круглые столы", премьеры спектаклей, музыкальные салоны и кинопросмотры, — он начался с довольно веселого и серьезного аккорда. Открывая фестиваль исполнением драматической легенды для солистов, хора и оркестра "Осуждение Фауста" Гектора Берлиоза, организаторы во главе с немецким культурным центром им. Гете стремились подчеркнуть не только серьезность предстоящего форума, но и его истинное европейский масштаб. Так, для исполнения этого монументального сочинения французского композитора, созданного по мотивам первой части "Фауста" Гете, были привлечены Большой симфонический оркестр под управлением Владимира Фе-

досеева, хор "Латвия", руководимый Марисом Сирмайсом, солисты из России — Ирина Чистякова, Александр Науменко, Анатолий Сафиулин, и Германии — Герберт Липперт, а также французский дирижер Филипп Бендер. Союз музыкантов оказался весьма плодотворным: сложнейший опус Берлиоза, практически не исполняющийся в России без купюр, явился перед зрителем в весьма достойной интерпретации. Целое лепилось маэстро Бендером всего за пять репетиций, однако концепция успела выкристаллизоваться за столь короткий срок, и мы стали свидетелями весьма убедительного действия. Конечно, не обошлось и без промахов: вряд ли прибавило популярности Анатолию Сафиулину исполнение партии Мефистофеля. Образ получился карикатурным: голос, в звучании которого не прослушивался ни один обертон, стертый и неряшливый, никак не ассоциировался с тембром Князя Тьмы, да и манера его вокализации была близка скорее охрипшему русскому Варлааму, чем французскому воплощению абсолютного зла. Не порадовала и

Ирина Чистякова: тяжелые, надрывные звуки, особенно нижнего регистра, ее меццо не красили, а соответственно, не вызвала симпатии и Маргарита. Но были и настоящие открытия — их два. Это потрясающий латвийский хор — безупречно грамотный, с красивым тембром и уникально ясным звуководением, благодаря которому отчетливо слышна каждая мелодическая линия, и, конечно же, Герберт Липперт. Этот певец обладает красивейшим лирическим тенором, великолепно поет во французской манере, свободно, без надрыва (даже на запредельных нотах — а Берлиоз пишет в партии Фауста два раза до-диез второй октавы!) посылает звук в зал и перекрывает оркестр в кульминациях. В общем, судили Фауста (не без помощи Берлиоза) кто как мог. Зрителей же оказалось не так много: не заманишь публику на серьезный интеллектуальный проект. Что ж, быть может, другие мероприятия фестиваля окажутся для москвичей более притягательными.

Анна ВЕТХОВА